

ИЗ НЕИЗДАННОЙ МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОМ

I. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ А. И. АРТЕМЬЕВА О Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОМ

Публикация Б. Бухштаба

Автор публикуемых воспоминаний о Чернышевском Александр Иванович Артемьев (1820—1874) — видный в свое время статистик, краевед, археолог и историк, старший редактор изданий Статистического комитета, участник ряда статистических экспедиций. Краеведческая его работа относится преимущественно к Казанской губернии, с которой его связывали университетские годы и начало научной деятельности.

Статья Артемьева «Отцы и дети», вторую часть которой, непосредственно относящуюся к Н. Г. Чернышевскому, мы публикуем, — написана, по видимому, в самом конце 60-х или начале 70-х годов; в первой части ее имеется указание об отце Чернышевского «умер лет восемь назад», а Г. И. Чернышевский умер в 1861 г. Для какой цели написана статья — неясно. По построению и обработке она не похожа на запись «для памяти», между тем печатать о Чернышевском в то время заведомо ничего нельзя было.

Артемьев почти совершенно не знал Чернышевского. Хотя он и пишет «мне случалось кое-где встречаться с ними» (Чернышевским и его женой), но описывает только одну встречу с самим Чернышевским. Вероятно, остальные встречи были несущественны; возможно также, что статья незакончена.

Однако, встреча, описанная Артемьевым, довольно любопытна. Она произошла у И. И. Срезневского, профессора-слависта, университетского учителя Чернышевского. У Срезневского по субботам собирались люди академического филологического круга. В описываемый Артемьевым вечер были историк, будущий академик, П. П. Пекарский и ориенталист П. С. Савельев. Чернышевский, совершенно уже отошедший к тому времени (1856 г.) от былых филологических интересов, тем не менее часто бывал у Срезневского, по свидетельству дочери последнего. «Случалось, однако, — сообщает она, — что иногда Чернышевского не привлекали некоторые ученые беседы. Тогда он уходил в соседнюю комнату, садился на маленький диванчик, усаживал подле себя трех старших детей Срезневского (7—11 лет) и рассказывал им сказки из «Тысячи и одной ночи» (В. А. Пыпина, Любовь в жизни Н. Г. Чернышевского, П. 1923, стр. 18). Вероятно, это бывало нередко, потому что Чернышевский провел большую часть вечера с детьми и в тот раз, когда его видел Артемьев.

В рассказе последнего наиболее интересен живо переданный спор Чернышевского со Срезневским по вопросам эстетики и о «Губернских очерках» Салтыкова. Здесь ясно видны связи эстетических положений Чернышевского с его социальными стремлениями, с его требованиями к современной ему литературе и принципами оценки конкретных литературных явлений, т. е. то, что было затушено в его академической диссертации.

Из упомянутых в беседе персонажей «Губернских очерков» — врач, который расковыривал здоровое плечо, чтобы пациент откупился взяткой, описан в «Пер-

вом рассказе подъячего», а исправник Живоглот — в рассказе «Неприятное посещение». Первый рассказ появился в августовском, второй — в ноябрьском номере «Русского Вестника» 1856 г. Таким образом разговор шел о свежих литературных новинках.

Первая часть статьи Артемьева, опущенная нами, посвящена отцу и тестю Н. Г. Чернышевского и не представляет интереса, так как она написана в основном по саратовским слухам и сплетням (в первой половине 50-х годов автор воспоминаний прожил некоторое время в Саратове, где он находился в служебной командировке), и в ряде случаев стоит в полном противоречии с другими источниками, достоверность которых не вызывает сомнений. Любопытно, что враждебность автора к Чернышевскому переносится и на его родственников.

Статья печатается по автографу Артемьева, хранящемуся в рукописном отделе Государственной Публичной Библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Я не был знаком с Н. Г. Чернышевским и с его женою; но все-таки мне случалось кое-где встречаться с ними и заметить некоторые мелочи, быть может не лишние значения для их биографий.

В начале января 1856 г. мы наняли квартиру в доме Тулубьева, в Поварском переулке, близ Владимирской церкви.

В Петербурге все привыкают жить ни мало не заботясь о том, кто живет рядом и около. Разве какая-нибудь особенность жильца-соседа заставит поневоле обратить на него внимание. Так мы начали жить и в этом доме, не расспрашивая, не осведомляясь, кто помещается над нами, под нами, против нас и рядом с нами. Но прислуга разведывает все это в самом непродолжительном времени.

Надобно заметить, что тогда (в конце 1855 г.) я только-что воротился из продолжительной командировки в Саратовскую губернию и что кормилица теперешнего нашего старшего сына (Николая), родившегося в Саратове, была привезена из Саратова, а нянька, выехавшая с нами из Казани, с нами же находилась и в Саратове. Вследствие этого наша прислуга при первом же разговоре с дворниками узнала, что «этажом выше нас живут также саратовцы, какой-то Чернышевский; отец-то у него в Саратове священник; он на саратовской и женат; мальчик маленький у них тоже есть» и пр. Еще через несколько дней наша нянька уже сообщала, что «ребенок у Чернышевских какой-то больной, а мать им нисколько не занимается, даже его не любит; да и когда ей (т. е. Чернышевской) заниматься ребенком... она все с молодежью... муж ни на что, слышь, и вниманья не обращает...» Потом случилось как-то, что кухарка Чернышевских позамостовалась у нас в кухне какой-то чашкою или плошкой и когда эта вещь понадобилась нам, то за нею отправилась в кухню Чернышевских наша нянька, а ее встретила сама Чернышевская и спросила: «Твои господа тоже из Саратова? А как они прозываются? — Артемьевы, дескать. — Что-то не знала таких...—«Их, дескать, папашка-старичок живут в Кузнецке; а этот г. Артемьев служил прежде в Казани в ниверситете». А она в дверь из кухни, туда, в залу что ли, и закричала: «ты знал в Саратове аль в Казани Артемьева?...» А он подходит к кухне и говорит: «да, в Казани знал немного...»

Первые рассказы о Чернышевских доходили до меня стороною; но последний разговор нянька почла обязанностью передать мне непосредственно. Выслушавши ее доклад я отвечал: «Отца Чернышевского я знаю давно; но его самого не знаю и не слыхивал, что он бывал когда-нибудь в Казани, а потому и не понимаю, как он знал меня в Казани».

— Да ведь, барин,—возразила нянька,—это не Чернышевский и говорил, а тоже, слышь, саратовский, Пыпин что ли какой... такой белый

лицом, а волосы черные... Он чуть не живет у них: он, слышь, большой приятель госпоже-то Чернышевской, — прибавила нянька хихикая.

— Ну, вы вечно успеваете собрать все сплетни... Может быть, он родственник, — сказал я.

— Кто их знает! Их же нянька с кухаркою рассказывали...

Вот какие сведения приобретены были мною о Чернышевских. Сколько в них правды — не знаю; но я записываю их здесь в том виде, в каком они дошли до меня. Чернышевского я тогда не знал лично: но имя и литературная его деятельность, конечно, были мне известны: он в эту пору уже обращал на себя внимание весьма многих.

В доме Тулубьевых жили мы только до весны, а потом переехали на дачу и осенью заняли квартиру (также не надолго) в Измайловском полку; но Чернышевские оставались на прежней квартире довольно долго и уже гораздо позже перешли в дом Есаулова, на Владимирской улице, не очень далеко от нашей квартиры (в Кабинетской, сначала в доме Ларионовой, потом у Назаровых).

Осенью или зимою того же 1856 г. я встретился в первый раз с Чернышевским в квартире И. И. Срезневского, у которого в конце 50-х годов я бывал довольно часто. У Срезневского собирались и собираются доселе преимущественно ученые; беседа всегда касается археологии, славянщины, литературы, но в политику вообще не вдаются; а городскими сплетнями-новостями интересуются по толику, по колику они касаются мира ученого.

Раз в один из таких вечеров, когда уже подали закуску и некоторые из собеседников уже брались за шапки, чтоб проститься с хозяином, в кабинет его вошел русенький господин сморщенно болезненного вида: волосы у него лежали будто прилипшие к голове, смотрел он через очки как-то изгибаясь, несколько жмурясь и саркастически или нервно чуть-чуть покачивал рот.

«Поздненько же являетесь», — обратился к этому господину П. П. Пекарский.

— Николай Гаврилович явился чуть ли не прежде всех, да, по своему обыкновению, беседовал все с детьми, — отвечал хозяин и прибавил: ну, что каков мой Вячко? Катеринка?

— Да что?! изумили меня: начали рассказывать о красоте «заставок» в какой-то заплесневелой летописи... Юсы да глаголиту знают... Уж эстетикой-то их не развращали б! хи-хи-хи—отвечал Николай Гаврилович немного жеманясь и подцепляя вилкою кусок селедки.

(Это Чернышевский? — спросил я шопотом П. С. Савельева. «Iрse», — отвечал тот).

— Ну, что вы, Николай Гаврилович, нападаете на мои милые юсы и глаголиту! — возразил смеясь Срезневский. Ведь и вам не незнакомы они; ведь и вы занимались эстетикою...

«Моя эстетика, вы знаете, не ваша», — обратился Чернышевский к Срезневскому, тыча вилкою: «вот щедринские «Губернские очерки» — эстетика».

— Pamфлет, конечно, практически приносит известную долю пользы, — заметил Срезневский, — но отрицаю, что он может служить к развитию правильного эстетического вкуса...

«Вот иметь правильный вкус в селедке, в икре — полезнее, хи-хи-хи! А пустяки по-вашему, что разные лекари, ковыряющие плеча у черемисов, да исправники-живоглоты выдаются вам головою?» — сказал Чернышевский.

— Ну, это не новость в нашей литературе, — возражал Срезневский. — Капнист писал о взяточниках, сам Булгарин даже, а Гоголь-то... да взяточники не перевелись. По-моему, вот эстетика-то, наша эстетика, Николай Гаврилович, а не в а ш а, скорее поможет делу, если больше и больше будут ее вводить в систему развития и образования народа...

А. И. АРТЕМЬЕВ
Гравюра 1877 г.

Публичная Библиотека, Ленинград

«Хи-хи-хи! — засмеялся Чернышевский, — не бойсь потому, что умягчит нравы, волков превратит в агнцев? Конечно, хи-хи-хи! ваша эстетика для нашего мужика и сивуху с луком заменит амброзией с нектаром и пр. Вот вашей эстетике скажу спасибо, когда она оденет, обует и накормит наш народ».

— Да это и выйдет так, — доказывал Срезневский; — эстетика отучит мужика от сивухи и у него уцелеет копейка на обувь, одежду, еду...

«Хи-хи-хи — отвечал Чернышевский.

— А что, Александр Иванович, — обратился Пекарский ко мне, — ведь говорят, Живоглот срисован с мамадышского исправника; вы знаете всю Казанскую губернию: похож ли?

«До какой степени верна догадка об оригинале Живоглота, — сказал я, — не знаю, но в Мамадыше действительно был непрменный заседатель земского суда, т. е. помощник исправника, сын сторожа того же суда. На свою руку, как говорили, охулки он не давал; однако, сколько я знаю, он не был похож на Живоглота. Я был свидетелем, что крестьяне встречали его радушно, а заочно звали его «Милягою», потому что он сам всех называл «милягами»...

— Да ведь и лекарь-то, что ковырял плечо у черемиса, обращался ласково, — заметил Чернышевский и затем обратился прямо ко мне: — чай и этот ваш «миляга» каждое свое приветствие сопровождал зуботычиной... уж это так заведено... хи-хи-хи!

— Не случилось видеть этого от Миляги, — сказал я.

«А вам-таки, надо полагать, много привелось видеть всякого рода по-

лицейских? — продолжал Пекарский, — много вы поездили. А где типичнее эти люди: в Казанской или в Ярославской губернии?

Еще не успел я ничего ответить, как П. С. Савельев прибавил: «Александр Иванович еще дольше был в Саратовской, чем в Ярославской, и впечатления о Саратовской, без сомнения, свежее и разнообразнее: война, движение ополчений и пр.».

«А вы давно из Саратова?» — спросил Чернышевский.

— Был в прошедшем году; между прочим имел сношения и с вашим батюшкой, Гаврилою Ивановичем, — отвечал я.

Чернышевский ничего не сказал на это и даже вовсе перестал говорить и ушел куда-то в угол.

Такова была моя первая встреча с Чернышевским.

Этот человек интересовал меня прежде, нежели я стал лицом к лицу с ним. Его статьи всегда читал я с живым любопытством, хотя и не соглашался со многими из его взглядов. Во всяком случае я признавал и уважал в нем несомненный талант писателя-диалектика и несомненно острый ум, и потому я несколько жалел, что не встречаюсь нигде с Чернышевским, что не могу с ним познакомиться. Но впечатления первой встречи с ним, два-три слова, перекинутые нами друг другу, настроили меня совершенно иначе. На меня как-то неприятно подействовали его наружность (хотя вполне приятная) и в особенности пискливый его голос и хихиканье. Я ушел от Срезневского досадуя, что встретился там с Чернышевским.

П. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ В РЕДАКЦИИ «ВОЕННОГО СБОРНИКА»

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Д. А. МИЛЮТИНА

Публикация Б. Козьмина

Известный государственный деятель эпохи Александра II, военный министр Д. А. Милютин оставил после себя обширные воспоминания. Рукопись этих воспоминаний, до сих пор неопубликованная¹, хранится в рукописном отделении Всесоюзной Библиотеки им. В. И. Ленина в Москве. В одном из томов этой рукописи (т. VIII, стр. 19—21) Милютин мимоходом касается мало выясненного до сих пор эпизода из биографии Н. Г. Чернышевского: участие его в 1858 г. в редактировании журнала, издававшегося военным министерством под названием «Военный Сборник».

Участие Н. Г. Чернышевского в редактировании этого журнала было весьма непродолжительным. Чернышевский и его товарищи по редакции объявили решительную борьбу тем порядкам, которые в то время продолжали господствовать в русской армии. В ряде статей «Военный Сборник» изобличал умственную отсталость и низкий уровень командного состава русской армии, злоупотребления и хищения в деле ее снабжения, господствующую в ней палочную дисциплину, ставящую своей задачей превращение солдата в манекена, без рассуждений, слепо выполняющего приказания начальства и т. д. Естественно, что при таких условиях между редакцией «Военного Сборника», с одной стороны, и цензурой, с другой, с первых же шагов начались столкновения, закончившиеся тем, что цензор полковник Штюмер составил особый доклад о «вредном направлении», принятом редакцией «Военного Сборника»². Естественно также и то, что «Военный Сборник» встретил не мало влиятельных противников из среды высшего офицерства, настаивавших на том, что редакцию этого журнала необходимо сменить. В результате всего этого Чернышевскому и его товарищам по редакции пришлось отказаться от редактирования «Военного Сборника».

При чтении приводимого ниже отрывка из воспоминаний Д. А. Милютина, необходимо иметь в виду, что в 1858 г. автор этих воспоминаний находился не

в Петербурге, а в Тифлисе, где он состоял начальником штаба Кавказской армии. Вследствие этого об эпизоде, рассказываемом им, он был осведомлен только по письмам друзей и сослуживцев, информировавших его о петербургских событиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В 1919 г. в Томске был издан I т. воспоминаний Д. А. Милютина, охватывающий эпоху 1816—1841 гг.

² Ответ Н. Г. Чернышевского на этот доклад (два варианта) опубликован в X т., ч. 2 «Полного собрания» его сочинений (стр. 231—298).

Еще в прошлом году А. П. Карцев¹ сообщил мне приятную новость, что ему удалось, после долгих хлопот, добиться согласия высшего начальства, на издание военного журнала, — о чем возбудил я вопрос еще в 1856 г., в тех видах, чтобы поднять уровень военного образования в офицерской среде и вместе с тем, чтобы распространять сведения о принимаемых в военном ведомстве нововведениях и улучшениях. Высочайшее соизволение на такое издание под названием «Военного Сборника» последовало 6 января 1858 г. и на другой же день Карцев поспешил порадовать меня этим известием. Он просил вместе с тем моего согласия на помещение в новом журнале статьи, составленной по моим запискам для Академии. Редакторами «Военного Сборника» первоначально были назначены: ген. шт. подполковник Аничков² и гвард. ген. шт. капитан Обручев³ — оба профессора Николаевской Академии генерального штаба, а по литературной части — известный писатель Чернышевский⁴. Но первый вскоре оставил редакцию по случаю назначения его вице-директором комиссариатского департамента, на место его назначен в редакцию кап. гвардейского ген. шт. Окерблом. Выбор Чернышевского в состав редакции специально военного журнала был крайне неудачен и, как оказалось впоследствии, сильно повредил изданию. С первого же шага редакция встретила большие затруднения со стороны цензуры, так что первый номер был выпущен только к маю месяцу⁵. Карцев сетовал на придирки военного цензора полк. Штюрмера и на враждебное отношение к изданию самого министра Сухозанета⁶; в войсках же журнал встречен весьма сочувственно и число подписчиков, достигавшее с самого начала цифры 4 500, все еще возрастало⁷. Редакция, задавшись, повидимому, благою целью — ратовать против укоренившихся в войсках и в военных управлениях стародавних злоупотреблений и беззаконий, к сожалению увлеклась слишком неосторожно на этом скользком пути и впала в резкий обличительный тон⁸. Само собою разумеется, что такое направление «Военного Сборника» должно было вызвать настоящий гвалт в среде начальствующих лиц и старых служак, которые с ужасом вопили о подрыве дисциплины, даже о революционной пропаганде в войсках. Дошло до того, что после выхода 7-й книжки издание было приостановлено; редакторы получили выговор и смены⁹; сам Карцев от огорчения заболел. Несколько спустя издание было возобновлено, но уже под непосредственным руководством военного министра, который назначил новым редактором ген.-м. Петра Кононовича Менькова.

Уведомляя меня о таком печальном обороте полезного дела, А. П. Карцев приписывал неудачу поданному военным цензором Штюрмером доносу, а также интригам, начавшимся еще до выхода первого номера, не столько против самого издания, сколько лично против гр. Баранова¹⁰. Однако же позже сам Карцев писал мне *, что «дело было подстроено Лихачевым **».

* Письмо от 30 января 1859 года.

** Александр Федорович Лихачев — генерал-майор, директор канцелярии военного министерства.

ярим противником всех нововведений». Таким образом Карцев не допускал, что преследование «Военного Сборника» могло быть вызвано действительно направлением издания, мало соответствовавшим официальному, издаваемому на казенный счет военному журналу, тогда как он уже сам, говоря о последовавшем в то же время прекращении Аксаковского издания «Парус» (за статью Погодина) заметил: «и по делом»¹¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Карцев (Карцов) Александр Петрович (1817—1875), генерал от инфантерии, военный писатель; в 1858 г. состоял генерал-квартирмейстером гвардейского генерального штаба. По свидетельству Н. Г. Чернышевского, именно Карцев предложил ему принять участие в редакции «Военного Сборника». Н. Г. Чернышевский, Литературное наследие, т. II, М.-Л., 1928 г., стр. 268.

² Аничков Виктор Михайлович (1830—1877), профессор Академии генерального штаба. Д. А. Милютин в своих воспоминаниях (т. X, стр. 112—113) следующим образом отзывался о нем: «Это был человек еще молодой, весьма развитой, даровитый и отличный редактор. В течение всей своей службы встречал я мало таких искусных редакторов; он схватывал чужую мысль на лету, умел весьма скоро примениться к слогу и манере начальника». Во второй половине 50-х годов Аничков принадлежал к кружку либерально настроенных офицеров генерального штаба, члены которого находились в дружеских отношениях с Н. Г. Чернышевским.

³ Обручев Николай Николаевич (1830—1904), профессор Академии генерального штаба; в конце 50-х и начале 60-х годов находился в дружеских отношениях с Н. Г. Чернышевским; в 1861—1863 гг. один из организаторов и член Центрального Комитета тайного общества «Земля и Воля», впоследствии видный военный деятель, начальник Главного штаба и член Государственного совета.

⁴ Извещая своего отца о приглашении принять участие в редактировании «Военного Сборника», Н. Г. Чернышевский писал: «Мне говоря, что это издание может принести пользу нашим офицерам, которые до сих пор читали слишком мало и оттого в Крымскую кампанию показали себя людьми, правда, храбрыми, но неспособными бороться с успехом против неприятеля, приготовленного к распорядительности и находчивости на поле сражения умственными трудами в мирное время. Если это назначение состоится, я буду заниматься сообщением статьям, которые большею частью будут написаны дурным языком, такой формы, чтобы они могли явиться в печати приличным образом; кроме того, мне придется рассматривать окончательно, заслуживает ли печати статья по своей делности и занимательности и справедливы ли мысли, в ней излагаемые. Для оценки статей часто военного содержания, относительно их достоинств по военной части, будут у меня два помощника, — двое профессоров Военной академии». Н. Г. Чернышевский, Литературное наследие, т. II, стр. 268.

⁵ В письме Н. Г. Чернышевского к отцу, цитированном в предыдущем примечании и написанном в январе 1858 г., говорится о том, что «издание журнала предполагается начать 1 мая». Из этого видно, что придирки цензуры не задержали выхода первого номера.

⁶ Отношение военного министра Сухозанета к «Военному Сборнику» вряд ли было враждебным. Это видно из того, что доклад полковника Штюрмера он квалифицировал, как «неправильный донос». См. его пометку на замечания Н. Г. Чернышевского на доклад Штюрмера. Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. X, ч. 2, стр. 244.

⁷ «Военный Сборник» действительно имел успех среди молодых офицеров. Тираж его в 1858 г. достиг 6 000 экземпляров (там же, стр. 234). О том, насколько велика была эта цифра можно судить хотя бы по тому, что, по свидетельству Чернышевского, военное министерство, принимая издание этого журнала, рассчитывало иметь на первый год около 2 000 подписчиков (Н. Г. Чернышевский, Литературное наследие, т. II, стр. 269), или по тому, что такой распространенный и влиятельный журнал, как «Современник», печатался в 1858 г. в 4 500—4 900 экземплярах (В. Евгеньев, Черты редакторской деятельности Н. А. Некрасова. — «Голос Минувшего», 1915 г., № 11, стр. 95).

⁸ В другом месте своих воспоминаний Д. А. Милютин писал: «Военный Сборник» одно время совершенно выдался в обличительную литературу и, подобно другим журналам, хватил через край» (т. IX, стр. 28).

⁹ Из письма Н. Г. Чернышевского к отцу от 13 января 1859 г. видно, что в это время ему «возобновляя просьбу заняться «Военным Сборником». «Я не мог согласиться», — добавляет при этом Чернышевский. Н. Г. Чернышевский, Литературное наследие, т. II, стр. 281.

¹⁰ Баранов Эдуард Трофимович, гр. (1811—1884), генерал, в 1858 г. начальник гвардейского генерального штаба.

¹¹ «Парус» — еженедельная газета, издававшаяся в 1859 г. в Москве И. С. Аксаковым. По выходе второго номера «Парус» был закрыт правительством за статью М. П. Погодина «Прошедший год в русской истории», в которой подвергалась критике внешняя политика правительства и в которой цензура усмотрела недопустимое «вмешательство частных лиц в виды и соображения правительства, несообразное с началами нашего государственного и общественного устройства». См. Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. XVI, СПб., 1902, стр. 305—361.

III. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И М. А. АНТОНОВИЧ

Из воспоминаний О. Антонович-Мижуховой

Считаю не лишним в настоящее время, когда особенно сильно проснулся интерес к 60-м годам и их стали изучать со всех сторон, рассказать кое-что о двух людях того времени: о Николае Гавриловиче Чернышевском и о моем отце, Максиме Алексеевиче Антоновиче.

Имя Антоновича связано с именами Добролюбова и Чернышевского. Добролюбов первый заметил в нем литературное дарование, а Николай Гаврилович помог развить его. Но кроме интереса к Антоновичу, как к писателю, Чернышевский заинтересовался им и полюбил его, как человека.

Отец мой познакомился с Чернышевским в конце 1860 г., после отъезда Добролюбова по болезни за границу. В «Современнике» до этого времени было напечатано несколько статей Антоновича и он считался уже постоянным сотрудником этого журнала, но имел всегда дело с Добролюбовым; Чернышевского же даже никогда не видал. Но уезжая, Добролюбов поручил своего протеже Чернышевскому, забыв однако сообщить последнему адрес молодого человека. И вот Чернышевский, исполняя просьбу Добролюбова, с большим трудом разыскав адрес Антоновича, пригласил его прийти к себе на квартиру в какое удобное время и просил, если не застанет его дома, дожидаться его возвращения.

Не без волнения отправился к нему Антонович. Чернышевский принял его, хотя довольно лобезно, но как-то странно: даже не поздоровавшись, сразу строго накинулся на него за то, что он не сообщает своего адреса, не пишет ничего для «Современника» и даже не является за причитающимся ему гонораром. Но заметив, вероятно, смущение молодого человека, Николай Гаврилович сразу переменял тон и участливо стал расспрашивать его, что он думает делать и чем заниматься — Максим Алексеевич в то время только что окончил Духовную Академию. На ответ Антоновича, что он по совету Добролюбова собирается посвятить себя педагогической деятельности, а также писать, Чернышевский решительно заявил, что нужно бросить мысль об учительстве и отдаться всецело литературной деятельности. Затем он взял с Антоновича слово, что он в самом скором времени напишет что-нибудь для «Современника». На замечание молодого богослова, что тот даже не знает, о чем писать, Николай Гаврилович посоветовал ему разбирать какие-нибудь книги по философии, так как Добролюбов говорил ему, что молодой человек очень интересуется этим предметом и знает его. Антонович воспользовался этим советом и написал несколько статей по философии.

Вскоре после первого знакомства Антонович был приглашен Чернышевским на его журфиксы, чем молодой человек также не замедлил воспользоваться. На журфиксах этих в 1860—61 учебном году собиралось очень много народу и посетители разделялись на два разряда: на гостей самого Николая Гавриловича и на гостей его жены, Ольги Сократовны. Первые собирались у него в кабинете и представляли собой сливки интеллигенции. Гости Ольги Сократовны, состоявшие из военной и штатской блестящей

молодежи, собирались в зале, откуда неслись звуки музыки, смех и шум.

Мой отец по своей застенчивости туда не показывался, а предпочитал скромно сидеть где-нибудь в уголке в кабинете у Николая Гавриловича, жадно прислушиваясь к разговорам, но не принимая в них участия.

В следующем 1861—62 учебном году, когда, вследствие наступившей реакции, на Чернышевского стали смотреть, как на опасного человека — нигилиста, на приемных днях у него стало бывать очень мало народу.

Положение Антоновича в начале его знакомства с Чернышевским было очень неопределенное. Максим Алексеевич, только что окончив курс, был не у дел и находился всецело в распоряжении духовного ведомства, не имея даже паспорта и живя по выданному ему из духовной академии аттестату. Духовное начальство уже назначило его преподавателем в Костромскую духовную семинарию, а так как Антонович от этого отказался, приказало ему ехать на родину, т. е. в Харьковскую губ. и там поступить в распоряжение местного епископа, который мог распоряжаться им по своему усмотрению, как хотел. Но Антонович, который, еще учась в Академии, был атеистом и решил выйти из духовного звания, после знакомства с Добролюбовым и Чернышевским еще более утвердился в своем решении и не уезжал из Петербурга.

После громадных усилий и хлопот Николаю Гавриловичу удалось устроить своего протеже в военное ведомство на штатное место, но без жалованья. Этим способом Антоновичу удалось уйти из-под власти духовенства.

Отец с умилением рассказывал о необыкновенной доброте Николая Гавриловича, о его готовности помочь всем и каждому, в особенности пишущей братии.

Оказанная Чернышевским услуга Антоновичу и заботы о нем тесно сблизили их между собой. Максим Алексеевич был у него в доме своим человеком и они виделись очень часто. Знакомство их, к сожалению, продолжалось всего около трех лет.

В июле 1862 г. (по старому стилю) над Чернышевским стряслась беда... Мой отец, как известно, присутствовал при его аресте и был у него в заключении после суда и приговора. С большим трудом удалось отцу вместе с другим сотрудником «Современника», Елисеевым, добиться этого свидания, так как они не состояли ни в каком родстве с осужденным. Николай Гаврилович по словам отца был хотя бледен, но довольно бодр, расспрашивал его о его личных делах, в частности о его предстоящей женитьбе и сказал, что надеется в ссылке писать для «Современника».

Сидя в тюрьме, Чернышевский, как известно, написал свой знаменитый роман «Что делать?», и здесь я хочу сказать кое-что по поводу этого романа.

Родители мои хорошо были знакомы с доктором Боковым, его женой и их другом дома Сеченовым. Но ни отец мой, ни мать никогда не говорили, что Чернышевский в этом своем романе вывел якобы чету Боковых и Сеченова. А на это кстати было бы указать мне, когда я, с большим трудом доставши этот роман, бывший в то время под запретом, стала читать его; кстати еще и потому, что я знала всех трех якобы героев его. Напротив, мама говорила мне, что в лице Веры Павловны Чернышевский хотел изобразить Ольгу Сократовну, которую он страшно идеализировал. Но по мнению мамы у жены Николая Гавриловича с героиней романа если и было сходство, то только во внешности, а именно у Веры Павловны подобно Ольге Сократовне были очень маленькие ручки и ножки, да разве еще в том, что обе женщины покупали себе обувь в самом лучшем в то время башмачном магазине Королева. О том, что в романе «Что делать?» выведены Боковы и Сеченов, я услышала впервые всего несколько лет тому

назад, да недавно прочла в книге Т. Н. Болданович «Любовь людей 60-х годов».

П. И. Боков, по словам моих родителей, был не особенно умным и не серьезным человеком, но очень красивым мужчиной, имевшим большой успех у женщин.

Жену его я почти не помню. По словам родителей — это была женщина очень умная, серьезная, с большими умственными интересами, но довольно некрасивая. Вообще по их словам она была ему совсем не пара. Супруги давно уже охладели друг к другу и расхождение их произошло само-собой, по обоюдному соглашению и к их обоюдному удовольствию. Решиться, что-бы предоставить жене свободу, на какую-нибудь героическую меру вроде Лопухова было совсем не в характере Бокова.

Сеченова я хорошо знала, так как слушала его лекции по нервной физиологии в бытность мою на Высших (Бестужевских) женских курсах. Этот даровитый ученый, умный и серьезный человек, в противоположность Бокову был поразительно некрасив собой; находили, что он похож на один вид ночной бабочки, называемой «мертвой головой» и поэтому его так и прозвали «мертвой головой».

На справедливость моих слов, а именно сомнения в том, что Чернышевский в своем романе вывел чету Боковых и Сеченова, указывает также Е. И. Жуковская в своих «Записках» на стр. 216, где она описывает Слепцовскую коммуну. Однажды на вечере, когда там собрались гости, к ней подошел Слепцов с такими словами: «...Головачев представит Вам красавца доктора, текущую знаменитость, будто бы вдохновившего автора романа «Что делать?» списать с него Лопухова. Между тем должен заметить, что не автор романа списал с него свой тип, а наоборот, сам доктор вдохновился романом и разыграл его в жизни: порука в том хронология. Вы все-таки не смущайтесь: он хоть и лжегерой, но все-таки чертовски красив»...

Если уж Слепцов, который был в «Современнике» своим человеком, был знаком и знал личную жизнь многих его сотрудников, если уж он так уверенно говорил по словам Жуковской, что Боков разошелся с женой по рецепту романа Чернышевского, то, надо думать, это действительно так и было.

Когда Чернышевскому разрешено было переехать в Саратов, мой отец предполагал повидаться с ним, условившись встретиться как бы случайно на пароходе. Но смерть Николая Гавриловича помешала исполнению этого плана, о чем отец очень жалел. К сожалению, мне не довелось познакомиться с этим замечательным человеком.

О том, как Чернышевский ценил моего отца и как любил его, можно судить по письму Николая Гавриловича от 29-го августа 1888 года, ныне переданного мною Литературному Музею в Москве.

Письмо это было написано отцу по следующему поводу: в 1837 г. в «Русской Мысли» (книга X) была помещена за подписью «М. А.» статья Антоновича «Доисторический быт индо-европейцев по данным сравнительного языкознания», представляющая собой разбор книги О. Шрадера «Сравнительное языкознание и первобытная история. Лингвистико-исторический материал для исследования индо-германской древности». Перевод с немецкого. Переводил же эту книгу никто иной, как Чернышевский; но фамилия его, конечно, не стояла. Привожу это письмо целиком:

«Милый друг Максим Алексеевич! Чувства мои к Вам остались такими же неизменными, как Ваши ко мне. Досадно мне было видеть, что Вы не можете возможным работать для русской журналистики, нуждающейся в деятелях, подобных Вам. Сколько я могу судить по чтению, она не имела ни

одного такого со времени прекращения Вашего участия в ней и не имеет ни одного, подающего надежды стать таковым.

От Лаврова, приехавшего сюда летом, я узнал, что помещенная в «Русской Мысли» статья о книге Шрадера принадлежит Вам. Тогда я понял, что мысль написать об этой книге внушена Вам желанием выказать печатным образом расположение ко мне. Благодарю, но не в благодарности моей дело, а в том, что по поводу сообщенного Лавровым имени автора завязался у нас разговор. Я не имел надобности говорить Лаврову, что считал бы Ваше участие в «Русской Мысли» полезным для нее: он сам стал говорить в этом тоне, так что мне оставалось только вставлять по временам короткие слова, что я разделяю высказанное им мнение о Вас. Он (и по всей вероятности Гольцев, которого я не знаю лично и так:) он человек хороший и настолько умный, чтобы понимать мысли, до которых не додумался сам. При начале сотрудничества, Вам пришлось бы объяснить ему, почему Вы написали о том или другом в духе, непривычном ему, но он скоро привык бы разделять Ваши мысли, насколько они понятны ему и полагаться на основательность Ваших мнений по вопросам, остающимся туманными для него. Сделаться руководителем Гольцева было бы, вероятно, задачей более хлопотливою, но я полагаю, что при некотором терпении Вы подчинили бы себе и Гольцева.

Попробуйте войти в сношения с ними. Мне хотелось бы знать, заходите ли Вы сделать это и, если попытаетесь делать, то как идет дело соглашения. Если Вы найдете удобным сообщать мне новости такого рода и не покажется Вам удобно писать мне, то, вероятно, может передавать сведения от Вас мне Миша. Благодарю Вас за то, что Вы взяли к себе и сохранили дневники и другие бумаги Добролюбова. Я знал, что Вы любили его.

Целую руки Елизаветы Ивановны. Для Вашей Оленьки было бы честью не по летам подобное отношение мое к ее руке, поэтому обнимаю и целую ее саму. Целую других Ваших детей. Будьте здоровы. Целую Вас.

Ваш, всегда бывший прежним в своей любви к Вам Н. Ч.».

К сожалению, пожеланиям Николая Гавриловича не суждено было исполниться: редакция «Русской Мысли» не считала Антоновича полезным для себя человеком и он так и не сделался постоянным сотрудником этого журнала...

После смерти Чернышевского Ольга Сократовна приезжала в Петербург, хлопоча и собирая деньги на постройку ему памятника, проект которого сделал первый муж старшей дочери А. Н. Пыпина, художник Беренштам.

Она произвела на меня грустное впечатление довольно невежественной, неразвитой, очень религиозной и даже суеверной женщины, очень резкой и деспотичной. Взгляды, деятельность и значение своего мужа она едва ли понимала, а если и понимала, то весьма смутно. Вообще она была совершенно не пара Чернышевскому. Когда мой отец, участвуя в недолго вышедшем журнале «Новое Обозрение» (в 1881 г.) познакомился на литературной почве, а затем очень сошелся с умной, высокообразованной и выдающейся женщиной, имя которой занимает видное место в истории высшего женского образования в России — Е. И. Конради, которую он по уму и по взглядам на литературу ставил на первое место после Чернышевского, он сказал маме: «Вот какую жему следовало иметь Николаю Гавриловичу!» И мама вполне соглашалась с ним, тем более, что Евгения Ивановна Конради в молодости была по словам многих, знавших ее в то время, замечательно красива.

Михаил Николаевич Чернышевский, младший сын Николая Гавриловича, при издании собрания сочинений своего отца много раз обращался за

советами, помощью и указаниями к Максиму Алексеевичу и принимал их к сведению.

Через несколько лет после смерти Чернышевского один приятель и поклонник Максима Алексеевича, А. К. Томашевский (издавший его большой труд о Дарвине), саратовский уроженец, купил на родине у какого-то своего тамошнего знакомого конторку Николая Гавриловича и презентовал ее моему отцу, чем доставил последнему громадное удовольствие. Конторка эта оказалась очень неудобною для писанья; но отец смотрел на нее, как на драгоценную реликвию, а после его смерти я передала ее в Институт Русской Литературы (Пушкинский Дом).

Туда же я отдала интересный документ, найденный мною в архиве моего покойного отца и озаглавленный «В альбом О. С. Васильевой», т. е. своей будущей жене в то время, когда она была его невестой. Здесь на двух маленьких листиках бумаги Николай Гаврилович высказывает ей свои взгляды на женщину, как на человека вообще и как на жену в частности. Женщина по его мнению должна быть равна с мужчиной, чего на самом деле нет. Выйдя замуж, она делается рабыней мужа и находится на положении чуть ли не прислуги, что по его мнению гнусно. Поэтому обязанность каждого порядочного мужчины изменить такое отношение «даже (цитирую его слова) с опасностью впасть в другую крайность...—лучше стать рабом для водворения равенства в будущем, нежели увековечивать рабство других из боязни стать рабом самому»...